

жали время от времени гостить там до 1925 г., когда имение пришлось продать (с. 87–106).

В завершающей части книги, охарактеризовав политическое присутствие России во Флоренции, в 1865–1870 гг. являвшейся столицей Итальянского королевства (с. 113–116), Р. Ризалити указывает на обширные социально-культурные связи двух государств и пребывание в то время в Тоскане целого ряда представителей российской знати и интеллигенции. Русская диаспора там включала Демидовых, Орловых, Потёмкиных, Бутурлиных и др. В 1860–1870-е гг. Флоренцию посещали М.А. Бакунин, А.Н. Веселовский, Н.Н. Ге, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, П.И. Чайковский и др. «Никогда ранее, – пишет историк, – Флоренция не видела столько величайших представителей России сразу. Однако и в следующие десятилетия в городе насчитывалось большое количество русских

интеллектуалов» (с. 116). По мнению Ризалити, «пребывание Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского во Флоренции так или иначе повлияло... на их творческую деятельность» (с. 131). Именно здесь был закончен роман «Идиот», о чём напоминает мемориальная табличка на одном из домов перед Палаццо Питти. Чайковский, часто посвящавший свои произведения местам, где побывал, создал секстет «Воспоминания о Флоренции». С большим интересом автор очерка прослеживает связанную с Флоренцией научную и общественную деятельность А.А. Герцена – сына знаменитого философа и публициста (с. 126, 134–142), а также контакты флорентийского учёного О. Беккари с Н.Н. Миклухо-Маклаем и т.п.

Все собранные в книге исследования имеют большое значение для изучения малоизвестных аспектов истории русской культуры и общественной жизни – как в самой России, так и за рубежом.

Людмила Гатагова

Рец. на: А.П. Ермолов. Кавказские письма. 1816–1860. СПб.: «Журнал “Звезда”», 2014. 830 с.

Liudmila Gatagova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Rec. ad op.: A.P. Ermolov. Kavkazskie pis'ma. 1816–1860. Saint Petersburg, 2014

Петербургский историк В.В. Лапин (один из тех, кто участвовал в подготовке рецензируемого издания), назвал А.П. Ермолова баловнем исторической памяти. Думается, его можно без всякой натяжки считать и баловнем историографии. Нет числа научным трудам и популярным сочинениям, в которых упоминается имя Алексея Петровича. Его биография и карьера детально изучены и оценены. Мало кому из российских политических и военных деятелей довелось стать столь же символической, поистине легендарной фигурой, овеванной ореолом славы, за которой тянется длинный шлейф историче-

ских мифов и апокрифов, от откровенно враждебных до исключительно комплиментарных. С Ермоловым неразрывно связано покорение Кавказа, хотя генерал сошёл с исторической сцены задолго до того, как оно реально состоялось, а в последовавшей борьбе отличилось немало людей, ни в чём не уступавших ему по части заслуг перед отечеством...

Интерес к жизни и судьбе Ермолова не иссякает и по сей день. Не так давно появилось фундаментальное исследование Я.А. Гордина «Солдат и его империя»¹, сочетающее глубину и содержательность с безукоризненностью литературной фор-

мы. Гордин привлёк огромный массив документов, тщательно проанализировал их и создал яркий образ харизматичного генерала, мастерски показав всю противоречивость его сложной незаурядной личности. При этом автору удалось избежать свойственной многим биографам апологетики своего героя: его взгляд на Ермолова трезв, пронзителен, чужд даже тени фальши и оттого написанный им психологический портрет получился на редкость достоверным. Ермолов в книге Гордина – живой и очень разный: мудрый, проницательный, смелый, решительный, честолюбивый, порою желчный, грубый, склонный к интригам, жёсткий или даже жестокий.

Многогранность натуры Ермолова отчётливо проступает и из его «кавказских» писем, собранных под эгидой журнала «Звезда» и его многолетнего редактора Я.А. Гордина петербургскими историками Г.Г. Лисицыной и Б.П. Миловидовым, более полутора десятков лет с завидной регулярностью выпускающими редчайшие документальные материалы по истории Кавказа и Кавказской войны². Ими выявлено до полутысячи писем, охватывающих 1816–1860 гг. Ведь в 1826 г. Ермолов покинул Кавказ лишь физически, мысленно же оставался там до конца своих дней. И его эпистолярное творчество – ярчайшее тому подтверждение. Беспокойный южный регион не отпускал «проконсула», постоянно возникая в его мыслях и размышлениях. Книга, как, впрочем, и все предыдущие издания серии «Россия и Кавказ» (практически каждое из которых – неоценимый вклад в кавказоведение), безупречно подготовлена, снабжена обширными комментариями и подробным научно-справочным аппаратом. Её украшают великолепные иллюстрации, а сам массивный том отличается высоким уровнем полиграфической культуры.

По признанию публикаторов, подготовка столь значительной подборки ермоловских писем оказалась крайне нелёгкой задачей: ещё при жизни генерала многие из них расходились в списках, многократно переписывались и порою искажались. Как водится в подобных случаях, по рукам ходило и множество псевдоермоловских посланий. Исследователям при-

шлось провести весьма трудоёмкую и кропотливую работу по сверке различных текстов, установлению их подлинности и точной атрибуции. Особой заслугой публикаторов является реконструкция писем, в своё время напечатанных П.И. Бартеневым, Н.Ф. Дубровиным, М.П. Погодиным и М.И. Семеvским со значительными купюрами. Пропуски эти делались тогда, как правило, из этических соображений: Ермолов позволял себе в личной переписке не только вольности разного рода, но зачастую и едкие или даже оскорбительные высказывания в адрес известных и влиятельных персон, весьма нелестно отзывался об отдельных народах. Ныне ермоловские послания впервые представлены перед читателем в полном объёме, без каких-либо изъятий.

В них содержатся чрезвычайно ценные сведения как о крайне противоречивой личности их автора, так и о происшедшем на Кавказе и в правящих кругах империи. Среди его корреспондентов и адресатов – А.А. Аракчеев, министр народного просвещения А.С. Шишков, дежурный генерал Главного штаба (ставший впоследствии генерал-губернатором Финляндии и министром внутренних дел) А.А. Закревский, кавказские наместники кн. М.С. Воронцов и Н.Н. Муравьёв и многие другие – друзья, сослуживцы, приятели и родственники.

Переписка с ними передаёт весь драматизм взаимоотношений Ермолова с Кавказом. Заняв пост главноуправляющего, генерал, судя по его собственным высказываниям, был настроен довольно самонадеянно. «Я по делам политическим был бы величайшею невеждою при европейских дворах, – писал он Закревскому 5 ноября 1817 г., – а в Азии после того, как присмотрелся, сомневаюсь, чтобы мне нужно было получать наставление от иностранной коллегии» (с. 94). 23 января 1824 г. в его письме А.В. Казадаеву уже звучит нескрываемая бравада: «Не думаю, чтобы кто из начальников мог легко достигнуть той доверенности, какой я пользуюсь между здешними народами. Ко мне приезжают известные из злодеев и разбойников, испрашивая прощение... Доселе не было примеров подобной доверенности!» (с. 337).

Стремясь как можно скорее усмирить непокорный регион, Ермолов действовал крайне жёстко и был непоколебимо уверен в том, что на Востоке признают только силу. «Я жителями повсюду принят был хорошо, – сообщал он Закревскому 2 марта 1823 г. о своих взаимоотношениях с горцами, – но заметил, что не мешает иметь имя, вселяющее некоторый страх» (с. 310). При этом различий между демонстрацией силы и насилием им не делалось, ему казалось, что сила существует только для её применения. «Они все населят у меня Сибирь, но те, кои и там ни на что не надобны, полезно было бы их расстрелять, разослав в такие полки, где пример сей весьма поучителен, – делился Алексей Петрович своими соображениями с Закревским в марте 1817 г. – Не считайте меня жестоким. Я хочу, принеся в жертву справедливому наказанию несколько разбойников, избавить от преступления невинных, которых вовлечёт одна надежда мало соразмеренного наказания. Здесь за кражу, грабительство и самое даже убийство одно наказание – шпицрутеное и сослание на поселение или работу в Сибирь» (с. 65).

В ермоловское десятилетие на Кавказе не раз совершались многочисленные военно-карательные акции. И хотя решимости и смелости генералу было не занимать, ему так и не удалось добиться желанного замирения горцев. А ведь Кавказ рассматривался им лишь как первый этап на пути к покорению Персии и проникновению в Индию – грандиозные планы Ермолова и его мегаломания простирались далеко за пределы Большого Кавказского хребта... Однако честолюбивым замыслам расширения границ империи до берегов Индийского океана и надеждам стяжать славу Александра Македонского не суждено было сбыться. «Долго увлекаемый любовью к военному состоянию, я страстен был к *даме Славе*, – с разочарованием и иронией писал он 15 апреля 1828 г. П.А. Кикину. – Долго кокетствовала она со мною и изменила» (с. 422).

Вернувшись с Кавказа, генерал, почти демонстративно игнорировавший заседания Государственного совета, большую часть времени проводил в своём родовом

имении Лукьянчиково Мценского уезда Орловской губернии. «Может быть, найдёшь не совсем справедливым поведение могущественных людей против меня, но и сие весьма обыкновенно, как и то, что поправших меня увидим падение в свою очередь..., – рассуждал Ермолов 6 августа 1827 г. в письме к Кикину. – Первого злодея – честолюбие – гоню из обиталища моего; редко уже беседует со мною лстивая подруга-надежда... Здесь я иностранец, вышедший на берега африканские. Как всё пусто, как дико! Люди с состоянием живут в столицах; с умеренным – прячутся по деревням, удерживаемые падшими доходами» (с. 406).

Удалившись от государственных дел, он по-прежнему пользовался влиянием и в военных кругах, и в обществе, к его мнению прислушивались, его советам внимали. И он испытывал удовлетворение от возможности быть востребованным и полезным, устраивал заочные протекции и помогал тем, кто нуждался в его поддержке. В его суждениях о кавказских делах, столичных интригах, внешнеполитических проблемах, судьбах небезразличных ему людей нередко сквозили пристрастность, необъективность, но никогда – равнодушие. В переписке деятельная натура находила выход нерастраченной энергии. Сам Ермолов над этим порою иронизировал: «Не порадуетесь ли Вы, что близок конец бумаги, иначе не было бы конца моему пустословию. Способность редкая!» – шутил он, обращаясь к Р.И. фон дер Ховену 15 октября 1850 г., добавляя: «За то я скуки не знаю!» (с. 596).

Эпистолярное наследие А.П. Ермолова – неистощимый кладезь мыслей, фактов, мнений... Замечательное издание его писем, вне всякого сомнения, послужит ценнейшим ресурсом для будущих кавказоведческих исследований.

Примечания

¹ Гордин Я.А. Алексей Ермолов: Солдат и его империя. Т. 1–2. СПб., 2012.

² Этой книге предшествовала публикация: Письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. СПб., 2011.